

С.В. Бирюков, Т.П. Шукер

ОСОБЕННОСТИ И ОПЫТ НАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ КИТАЯ В КОНТЕКСТЕ ОСОБЕННОСТЕЙ ЕГО ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ

Рассматриваются особенности государственного устройства КНР. Особое внимание уделяется государственной национальной политике, которая проводится в автономных районах, прежде всего в самых проблемных – Тибетском и Синьцзян-Уйгурском. Авторы приходят к выводу, что Китай является идеологическим государством-менеджером. При этом управление всеми процессами, в том числе этнополитическими, осуществляется не только эффективно, но и гибко с ориентацией на решение задачи консолидации китайского общества и нации.

Ключевые слова: Китайская Народная Республика; национальная политика; государственное устройство; Тибет; Синьцзян.

Национальный вопрос – сложная и наполненная противоречиями область социальных отношений, которая не допускает простых и стандартизированных решений [1] и требует постоянного совершенствования методологии ее анализа. Как результат, практическая этнополитика требует постоянной привязки к условиям места и времени, адаптации к опыту и условиям конкретных народов и стран. В рамках принимаемой сегодня за основу *модели политической нации* этнические и культурные различия в современных обществах принимаются во внимание [2], но приоритет отдается политическому единству и поддерживающим его институтам. Исходя из опыта различных стран, принято выделять две основных модели национальной политики – ассимиляционную и интеграционную, а также промежуточные между ними варианты.

Ассимиляционная модель предполагает растворение меньших этносов в структуре единой этнонации (либо доминирующей этнической общности). В рамках этой модели протекает процесс этнокультурного поглощения представителями более многочисленной этнической общности представителей менее многочисленной общности. Интеграционная модель, в свою очередь, предполагает включение определенных этнических групп в структуру политической общности (многонациональной нации) без ассимиляции – но с сохранением полиэтнического многообразия, выраженного в том числе в системе политического представительства.

В реальности же существует несколько основных **моделей**, которые близки к модели ассимиляции либо интеграции и в рамках которых выстраиваются межэтнические (этнополитические) отношения в конкретных государствах. К ассимиляционной модели по своему характеру близка **модель плавильного котла** – ситуация, когда в итоге процесса смешения нескольких разнородных групп, ни одна из которых не является доминирующей, ими утрачивается первоначальная этническая идентичность и формируется новая, вобравшая в себя черты ассимилированных культур. К интеграционной модели близка так называемая **модель культурного плюрализма** – ситуация, когда в рамках государства гармонично сосуществуют представители различных этнических общностей, и при этом все они рассматриваются обществом как одинаково ценные в рамках общего национально-

культурного комплекса. Это возможно в государствах с глубокими традициями демократии, толерантности и плюрализма.

Характеризуя текущие перспективы выделенных нами моделей этнополитики, следует отметить, что современный мир не способствует ассимиляционной модели в силу влияния ряда факторов, таких, как глобализация [3], регионализация [4], децентрализация [5], информационная экспансия [6]. В подобной ситуации различным странам приходится формировать собственные оригинальные модели этнополитики, исходя из собственного исторического опыта, особенностей политической системы и сложившихся политических традиций. Тем больший интерес представляет в этой связи модель этнополитики, реализуемая сегодня в Китайской Народной Республике.

Китай, согласно Конституции, является социалистическим государством с доминирующим статусом рабочего класса (в союзе с крестьянством), интересы которых представляет Коммунистическая партия Китая (КПК). Политический строй Китая обобщенно можно охарактеризовать как социализм с акцентированной национальной спецификой. Законодательно закреплено, что власть принадлежит народу, который осуществляет ее через Всекитайское собрание народных представителей (ВСНП) и местные представительные органы различного уровня и статуса.

Китай является многонациональной, многопартийной страной, что нашло отражение в организации всей системы государственного управления. Базисом политического строя Китая, при доминирующей роли Коммунистической партии, являются: выборность органов различного уровня – собраний народных представителей; многопартийная система при отсутствии феномена партийной оппозиции; национальные автономии в каждом регионе компактного проживания не китайского населения.

Демократически избранными представительными органами власти в КНР являются собрания народных представителей, избираемых на всех уровнях административного деления страны – от волостных и уездных до городских. Другим основанием политического строя Китая служит система национальных образований (автономных районов, округов, уездов), которые являются гарантией соблюдения прав малых народов и национальностей.

В контексте общей тематики нашей статьи особого внимания заслуживает государственная национальная политика (ГНП) Китайской Народной Республики, которая (как говорилось выше) является партийным государством. Все процессы в стране, в том числе этнические, контролируются и реализуются под эгидой Коммунистической партии Китая, которая не только выполняет управленческие функции, но и формирует и осуществляет единый и мощный идеологический курс внутри государства, в том числе в его национальных районах.

Этнополитика в Китае реализуется преимущественно посредством вышеупомянутых национальных образований, прежде всего автономных районов. Она имеет ряд особенностей. Как известно, Китай является полиэтническим государством. Согласно данным Национального бюро статистики страны, на конец 2016 г. численность населения Китая достигла 1,38 млрд человек [7]. Из них около 8,5% составляют национальные меньшинства, остальные – это народ хань. Таким образом, в этнической системе КНР есть ядро, представленное ханьцами, которые проживают по всей территории страны, и 56 нацменьшинств, расселенных преимущественно на периферии. При этом сами нацменьшинства значительно отличаются друг от друга в культурном и ценностном аспектах, включая религиозный. В этом отношении выделяются Тибетский автономный район (центр буддизма), а также Синьцзян-Уйгурский автономный район, где вероисповеданием титульного нацменьшинства является ислам.

Кроме того, сами по себе автономные районы, где компактно проживают нацменьшинства, имеют значительные отличия друг от друга не только в экономическом, но и в национальном плане – доли ханьцев и титульного меньшинства варьируются от одной автономии к другой. При этом их общей спецификой является масштабная поддержка со стороны центра в финансовом, материальном, экономическом и кадровом планах.

Конституция КНР декларирует, что в районах компактного проживания нацменьшинств формируются автономные районы [8]. В то же время в законе КНР «О национально-территориальной автономии» (далее – Закон) говорится о факторах, на основе которых создается автономная единица. Речь идет о территориальном факторе, компактности проживания этносов, уровне экономического развития и опыте сосуществования национальных меньшинств. В результате в Поднебесной были образованы и существуют по настоящее время пять таких образований. К ключевым маркерам, определяющим развитие автономных территорий, можно отнести административно-политический фактор, а также экономическую, социальную и культурную составляющие государственной национальной политики Поднебесной – с учетом специфики конкретных автономий.

Тибетский автономный район (ТАР) находится на западе страны и граничит с несколькими государствами, включая Индию. Его площадь составляет 1 178 441 км², что ставит его на третью позицию среди административно-территориальных образований

страны. Всего в этой автономии проживают около 3,3 млн человек, из которых тибетцы, титульное нацменьшинство, составляют более 2,9 млн человек, что соответствует доле в 90,15%. Это самый высокий показатель в Китае по отношению титульного этноса к общей численности населения автономии.

Синьцзян-Уйгурский автономный район (СУАР) располагается на северо-западе КНР. Как и Тибет, СУАР граничит с другими государствами, в том числе с Монголией, Россией и Афганистаном. Имея площадь в 1 664 897 км², он является самым большим административно-территориальным образованием страны. Всего в СУАР, по последним статистическим данным на конец 2016 г., проживают 23,98 млн человек. Доля уйгуров, титульного нацменьшинства, здесь достигает 65,52%, их численность составляет 15,71 млн человек.

На наш взгляд, для целостного понимания государственной национальной политики КНР в отношении автономий необходимо рассмотреть ряд ее аспектов: экономический, социокультурный и политический.

Известно, что за последние годы автономные районы, рассматриваемые в этой статье, претерпели серьезные экономические изменения. Одним из основных инструментов этнополитики Китая в этом направлении можно назвать оказание шефской помощи автономным районам. В данном случае речь идет не только о финансовой помощи, но и о кадровой, технической и управленческой поддержке [9. С. 85]. Такие меры закреплены в Поднебесной на законодательном уровне.

В Белой книге «Исторический выбор пути развития Тибета», которую Госсовет КНР опубликовал в 2015 г., говорится, что с 1952 по 2013 г. ТАР получил субсидий на 544,6 млрд юаней. Эта сумма, как отмечается в документе, составила 95% от «местных общественных финансовых расходов Тибета» [10], что само по себе говорит о ее значимости. При этом Закон, который выступает правовой основой ГНП Китая, обязывает ежегодно увеличивать объем трансфертов.

Результаты такой поддержки хорошо отражены в статистике, представленной в Белой книге «Развитие и прогресс Синьцзяна в области прав человека», которую опубликовала в 2017 г. пресс-канцелярия Госсовета КНР. Например, в СУАР с 1978 по 2016 г. валовой региональный продукт (ВРП) увеличился с 3,907 млрд юаней до 961,723 млрд юаней, а среднедушевой ВРП – с 313 до 40 427 юаней. Примечательно, что кроме урбанизированных территорий в автономии особое внимание уделяется развитию сел и деревень.

Социокультурный аспект включает в себя три ключевых элемента, оказывающих весомое влияние на жизнь и развитие нацменьшинств в автономиях. Речь идет об образовании, религии и демографии.

Так, Закон дополняет Конституцию страны, надеясь нацменьшинства большими возможностями для получения образования. Одной из основных целей ГНП Китая является повышение уровня образования именно представителей неханьских этносов. Для это-

го правительство также стабильно повышает финансирование этой сферы в автономиях, имея целью обучить и подготовить национальные кадры в автономиях. Например, в данных регионах Поднебесной действует специальная сеть высших учебных заведений. Кроме того, для нацменьшинств предусмотрено квотирование мест как в средних, так и высших учебных заведениях.

По мнению ряда исследователей, одним из важнейших факторов, который можно отнести к социокультурному аспекту ГНП, выступает закрепленный в Конституции тезис об использовании и развитии национальных языков и письменности в автономных районах. Декларируется, что в официальной переписке, а также в административных органах автономий кроме китайского используются национальные языки этносов, проживающих на территории того или иного автономного района. При этом обучение в учебных учреждениях автономий также осуществляется с использованием двух языков: китайского и языка основного нацменьшинства, проживающего в автономном районе.

Например, в учебных заведениях Тибета, по данным Белой книги от 2015 г., обучение ведется на двух языках «с доминирующим местом обучения на тибетском языке» [10]. Причем это касается не только школ в городах, но и в сельских территориях. Таким образом, реализуется курс на охрану и развитие тибетского языка и письменности. Такая же ситуация в образовательной сфере наблюдается в Синьцзян-Уйгурском автономном районе. Там в большинстве школ двуязычное обучение предполагает сбалансированное соотношение уйгурского и китайского языков [9. С. 106].

Что касается религиозного фактора, то в Китае даны конституционные гарантии свободы и права вероисповедания. Реализация таких гарантий в Тибете и Синьцзяне представляет особую значимость в связи с религиозной идентичностью этих автономий.

В Белой книге говорится, что в Тибете существует «религиозная толерантность». В связи с этим в регионе восстановили множество религиозных объектов, разрушенных ранее, в том числе храмов, где на 2015 г. проживали 46 тыс. монахов и монахинь. Согласно официальным данным, которые представило правительство, в храмах «нормально организуются традиционные религиозные мероприятия» – что предполагает определенные формы контроля за религиозной деятельностью [11. С. 159]. Например, рядом с большими монастырями размещены полицейские в штатском, а также армейские подразделения. При этом есть и вполне конкретные ограничения, касающиеся религии: на размеры монастырей и число монахов, на монашескую жизнь до достижения 18 лет, ограничения религиозной деятельности представителей народной религии (шаманов). Подобные запреты есть и Синьцзяне, в частности запрет на изучение религиозной литературы до 18 лет [12. С. 4].

Говоря о демографии, следует напомнить, что в Китае с 1982 г. существует политика планового деторождения. Что касается первой политики, то она была применима к ханьцам, а в национальных районах дей-

ствовала с оговоркой. Например, в Синьцзян-Уйгурском автономном районе всегда разрешалось иметь двоих детей. При этом, как пишет ведущий научный сотрудник Центра политических исследований и прогнозов Института Дальнего Востока РАН Т.В. Лазарева, в семьях Тибета количество детей вообще не было ограничено [13. С. 221]. Этому, в частности, способствовали местные законы, которые, согласно Конституции КНР, могут принимать и реализовывать власти автономий.

Одним из итогов демографической политики в рассматриваемых автономных районах стал также рост численности их населения, что соответствует общекитайским трендам. Согласно данным Национального бюро статистики Китая, на конец 2006 г. население Тибета составляло 2,85 млн человек, а СУАР – 20,5 млн человек [14]. В конце 2016 г. оба автономных района прибавили в численности, в них уже проживало 3,31 и 23,98 млн человек соответственно.

В данном случае необходимо напомнить, что ТАР является лидером в КНР по доле этнических меньшинств в населении (90,15%, более 2,97 млн человек). Однако по итогам десятилетия можно утверждать, что данный показатель в Тибете сокращается. Так, в 2007 г. он составлял 95,96% (более 2,62 млн человек). Этому в том числе способствовала иммиграционная политика, проводимая центром, когда ханьцы направляются в нацтерритории для помощи и решения различных задач. При этом Синьцзян показывает прямо противоположную тенденцию. Если в 2007 г. 60,68% населения региона составляло титульное этническое меньшинство – уйгуры (более 12,71 млн человек), то в 2016 г. их доля увеличилась до 65,52% и превысила 15,71 млн человек.

Политический аспект ГНП можно раскрыть, рассмотрев следующие составляющие. Например, органы самоуправления в автономиях наделены большими полномочиями, нежели подобные органы других регионов Китая. Причиной этого является реализация права на самоуправление, которое провозглашено и в Конституции КНР, и в Законе. Примером реализации данного принципа выступает тот факт, что органы государственного управления автономий могут применять нормативные акты, которые изданы высшестоящими органами, исходя из местных обстоятельств. Отсюда следует, что они могут либо ограничивать исполнение какого-либо закона, если он в чем-то не соответствует существующему положению в автономии, либо полностью приостанавливать его применение. Однако здесь Закон предусматривает защитное для центральных властей требование: такие решения автономные власти должны производить только после разрешения органов высшестоящего уровня.

Также Закон устанавливает положение, согласно которому политическое управление автономным образованием осуществляется независимо в сфере внутренних вопросов территории посредством выработки определенных нормативных положений и предписаний. При этом органам государственного управления автономий предоставляются широкие полномочия в экономической, социальной и культурной жизни национальных меньшинств.

К еще одной немаловажной составляющей политического аспекта ГНП Китая можно отнести квотирование мест в различных органах государственной власти, чтобы обеспечить в них представительство этнических меньшинств. Например, одним из важнейших положений Закона является 17 статья, согласно которой главой автономного образования, включая непосредственно автономный, районный, окружной и уездный уровни, должен быть представитель титульной этнической группы, проживающей в пределах данной территории. В то же время другие государственные служащие, также занимающие различные должности в системе государственного управления автономий, по возможности должны представлять этнический состав национальной территории.

Таким образом, можно говорить о том, что государственная национальная политика Поднебесной представляет собой достаточно сложную и развитую систему, которая затрагивает ключевые аспекты жизнедеятельности этнических меньшинств, проживающих на территории страны. Исходя из этого Китайскую народную республику можно обозначить как государство-менеджер, которое формирует и регулирует социальные и политические процессы во всех территориях, включая этнические. При этом важной особенностью КНР является то, что развитие практически всех процессов происходит на основе сформированных ранее планов. Планирование, хотя и не жестко структурированное, имеет место быть, например, в сферах образования, религии.

К еще одной особенности китайской модели национальной политики следует отнести то, что она действует в рамках этнополитической системы централизованного типа. При немалой доле в населении страны национальных меньшинств (8,5%) в КНР имеет место быть ярко выраженное этническое ядро – ханьцы. Если нацменьшинства в большинстве своем сосредоточены в отдельных, специально сформированных регионах – автономиях, то ханьцы проживают по всей территории страны, в том числе и в автономных районах. Примечательно, что ряд исследователей отмечают в качестве отдельной составляющей ГНП Китая политику миграции, когда ханьцы массово мигри-

руют в автономии, что также решает задачу консолидации территории.

Специфика ГНП Поднебесной заключается также в том, что КНР является идеологическим государством, возлагая реализацию официальной идеологии и курса развития страны на Коммунистическую партию Китая. Так, что касается идеологии «социализма с китайской спецификой», то она в полной мере реализуется и в автономных районах, обеспечивая их устойчивое развитие.

По нашему мнению, признаки ассимиляционной политики в КНР присутствуют, однако она реализуется в «мягком» виде. При этом на официальном уровне декларируется и осуществляется реализация политического курса, нацеленного на сохранение этнических меньшинств Китая, их культуры и ценностей. Стоит также помнить, что в Поднебесной реализуется социально-политический курс – так называемая концепция «китайской мечты», которую выдвинул председатель КНР, генеральный секретарь ЦК КПК Си Цзиньпин. Она предполагает объединить все 56 национальностей и ханьцев с целью возрождения китайской нации. Ожидается, что в результате каждый житель страны будет ощущать себя представителем не какой-либо конкретной национальности, а единого Китая. При этом полной ассимиляции этнических меньшинств в КНР в настоящее время не планируется.

Таким образом, Китай – это основанное на принципах «демократического централизма» государство-менеджер, которое стремится гибко и эффективно управлять всеми протекающими в стране процессами, включая этнополитическую сферу. Сформированная и последовательно реализуемая в Китае модель практической этнополитики может быть охарактеризована как достаточно эффективная, гибкая и адаптивная. Последняя способствует реализации одной из ключевых задач государственного строительства и политического развития – консолидации различных народов страны вокруг народа хань как естественного исторического, культурного и политического «стержня» китайской государственности при сохранении системы институционализированных гарантий для национальных и религиозных меньшинств.

ЛИТЕРАТУРА

1. Kuzio T. Western Multicultural Theory and Practice and its Applicability to the Post-Soviet. States // *Journal of Contemporary European Studies*. 2005. № 13 (2). P. 222.
2. Ridel S. Politisierung von Ethnizität in Transformationsgesellschaften // *Welttrends*. 2003. № 11. P. 62–63.
3. Albrow M., King E. (eds.) *Globalization, Knowledge and Society*. London : Sage, 1990.
4. Cordell J.-L. *Globalization and Regionalization: Strategies, Policies, and Their Economic Environment*. Psychology Press, 1998.
5. Schumacher E.F. *Small is Beautiful: Economics As If People Mattered*. London, 1973.
6. Castells M. *The information age: economy, society and culture*. Oxford : Blackwell, 1996.
7. China Statistical Yearbook 2017. URL: <http://www.stats.gov.cn/tjsj/ndsj/2017/indexeh.htm> (дата обращения: 15.09.2018).
8. Конституция КНР от 4 декабря 1982 г. (ред. от 14.03.2004). URL: http://chinalawinfo.ru/constitutional_law/constitution (дата обращения: 20.09.2018).
9. Яо Ван. Синьцзян-Уйгурский автономный район и политика КНР в контексте современных вызовов международной безопасности : дис. ... канд. полит. наук. М., 2015. 218 с.
10. Белая книга «Исторический выбор пути развития Тибета». URL: http://russian.china.org.cn/exclusive/txt/2015-04/15/content_35329809_3.htm (дата обращения: 23.09.2018).
11. Гарри И.Р. «Тибетский вопрос» и тибетский буддизм в Китае: реформы и конфликты // *Государство, религия, церковь в России и за рубежом*. 2016. № 4. С. 148–173.
12. Hasmath R. Ethnic Violence in Xinjiang: Causes, Responses, and Future Outlook // *China Policy Institute*. 2014. № 7. P. 6.
13. Лазарева Т.В. Некоторые особенности проведения демографической политики в национальных районах Китая // *Материалы ежегодной научной конференции Центра политических исследований и прогнозов Китая ИДВ РАН «3-й пленум ЦК КПК 18-го созыва: новое руководство и стратегия реформ»*. 2014. Вып. 3. С. 205–217.

The Features and Experience of China's National Policy in the Context of Its Political System's Characteristics

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2020, 456, 147–151.

DOI: 10.17223/15617793/456/17

Sergey V. Biryukov, East China Normal University (Shanghai, People's Republic of China); Siberian Institute of Management, Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Novosibirsk, Russian Federation); Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: birs.07@mail.ru

Timofey P. Shiker, Kemerovo State University (Kemerovo, Russian Federation). E-mail: timshiker@mail.ru

Keywords: People's Republic of China; national policy; political system; Tibet; Xinjiang Uygur Autonomous Region.

The article considers features of the state structure of the People's Republic of China. Special attention is paid to the state national policy of the People's Republic of China that is pursued in the Tibet and Xinjiang Uygur Autonomous Regions because they are the most problematic in an ethno-political sense. The authors state that administrative, political, economic, social, and cultural factors are key markers determining the development of autonomous territories. The state national policy is formed and promoted based on these factors and taking into account the specifics of each autonomy. In analyzing the PRC's state national policy, the authors proposed its core topics and features. First, the PRC can be identified as a state-directed type that forms and governs social and political processes, including ethnic, based on long-term planning in all territories. Second, the Chinese model of national policy is implemented through a centralized ethno-political system with a large proportion of ethnic minorities (8.5%) in the population of the country; in the PRC, the Han Chinese are an ethnic majority with the "core" function. Third, the PRC's national policy is specific as the state is ideological: the Communist Party of China implements the priorities of official ideology (including the ethno-political sphere). Fourth, there are signs of an assimilation policy in the PRC, but it is being implemented in a "soft" way, including through the sociopolitical course proposed by Xi Jinping, the Chairman of the PRC, General Secretary of the CPC Central Committee; it is the so-called conception of the "Chinese dream". The conception proposes to unite all 56 nationalities and the Han Chinese in order to revive the Chinese nation. Thus, the authors of the article come to the conclusion that the People's Republic of China is state-directed; it is based on the principles of "democratic centralism" which seeks to run all the processes, including the ethno-political sphere, in the country flexibly and efficiently. The model of practical ethno-policy created and consistently implemented in China can be characterized as quite effective, flexible, and adaptive. It contributes to the implementation of one of the key tasks of nation-building and political development such as consolidation of various peoples of the country around the Han Chinese people as the natural historical, cultural, and political "core" of the Chinese statehood while preserving institutionalized guarantees for ethnic and religious minorities.

REFERENCES

1. Kuzio, T. (2005) Western Multicultural Theory and Practice and its Applicability to the Post-Soviet. States. *Journal of Contemporary European Studies*. 13 (2). P. 222.
2. Ridel, S. (2003) Politisierung von Ethnizität in Transformationsgesellschaften. *Welttrends*. 11. pp. 62–63.
3. Albrow, M. & King, E. (eds) (1990) *Globalization, Knowledge and Society*. London: Sage.
4. Cordell, J.-L. (1998) *Globalization and Regionalization: Strategies, Policies, and Their Economic Environment*. Psychology Press.
5. Schumacher, E.F. (1973) *Small is Beautiful: Economics As If People Mattered*. London.
6. Castells, M. (1996) *The Information Age: Economy, Society and Culture*. Oxford: Blackwell.
7. Stats.gov.cn. (2017) *China Statistical Yearbook 2017*. [Online] Available from: <http://www.stats.gov.cn/tjsj/ndsj/2017/indexeh.htm>. (Accessed: 15.09.2018).
8. Konstitutsiya KNR ot 4 dekabrya 1982 g. (red. ot 14.03.2004). [Online] Available from: http://chinalawinfo.ru/constitutional_law/constitution. (Accessed: 20.09.2018).
9. Yao Van. (2015) *Sin'tsyan-Uygurskiy avtonomnyy rayon i politika KNR v kontekste sovremennykh vyzovov mezhdunarodnoy bezopasnosti* [Xinjiang Uygur Autonomous Region and China's Policy in the Context of Modern Challenges to International Security]. Political Science Cand. Diss. Moscow.
10. Russian.china.org.cn. (2015) *Istoricheskiy vybor puti razvitiya Tibeta* [The Historical Choice of Tibet's Developmental Path]. [Online] Available from: http://russian.china.org.cn/exclusive/txt/2015-04/15/content_35329809_3.htm. (Accessed: 23.09.2018).
11. Garri, I.R. (2016) "Tibetan Question" and Tibetan Buddhism in China: Reforms and Conflicts. *Gosudarstvo, religiya, tserkov' v Rossii i za rubezhom*. 4. pp. 148–173. (In Russian). DOI: 10.22394/2073-7203-2016-34-4-148-173
12. Hasmath, R. (2014) Ethnic Violence in Xinjiang: Causes, Responses, and Future Outlook. *China Policy Institute*. 7. p. 6.
13. Lazareva, T.V. (2014) [Some features of the demographic policy in the national regions of China]. *3-y plenium TsK KPK 18-go sozyva: novoe rukovodstvo i strategiya reform* [The 3rd Plenum of the 18th CPC Central Committee: New Leadership and Reform Strategy]. Conference Proceedings. Vol. 3. Moscow: Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences. pp. 205–217. (In Russian).
14. Stats.gov.cn. (2008) *China Statistical Yearbook 2008*. [Online] Available from: <http://www.stats.gov.cn/tjsj/ndsj/2008/html/B0109e.htm>. (Accessed: 04.10.2018).

Received: 13 January 2020